

формулой выражает сожаление Батый об убитом Евпатии: „Аще бы у меня такой служил, держал бых его против сердца своего“.

В полном соответствии с народным эпосом, Батый изумленно спрашивает воинов Евпатия: „коea веры еста вы и коea земля“ (ср. в былинах: „коей орды да ты коей земли“).

В рассказе о Евпатии развернут народнопоэтический образ битвы-пира, проходящий в разных вариантах через всю повесть. Этот народнопоэтический символ подчинил себе книжный образ „смертной чаши“.

Повесть сохранила основную идею народного предания о Евпатии: врага можно утратить, а значит и победить мужественным отпором его грубой силе. Эта идея не имеет ничего общего с настроением подавленности, обреченности, которым проникнуты другие книжные рассказы о битве на Калке и о нашествии Батыя, убеждающие читателя, что только „покаяние и молитва“ могут спасти от посланного богом за грехи врага.

Рассказ повести об убийстве рязанского князя Федора и о самоубийстве его жены с сыном, по мнению В. Миллера, носит следы эпической обработки. Реальный исторический факт дополнен, видимо, эпическими мотивами, параллели к которым можно найти и в былинах. О красоте Евпраксии Батыю сообщает рязанский вельможа, как в былинах князя Владимира подбивает овладеть красивой женой Данилы Ловчанина — Мишатка Путятич. Евпраксия кончает самоубийством, как и жена Данилы. Весь рассказ об этом приурочен, конечно позднее, — к происхождению имени „Никола Заразский“ („заразился“ княгиня на том месте).

Если рассказ, изображающий самую битву с татарами, а тем более повествование о Евпатии Коловрате не оставляют сомнения в эпическом происхождении, то относительно общего построения повести, показавшей единодушие рязанских князей-братьев на совещании и на поле брани и наделившей их одной судьбой — смертью в битве — трудно решить, было ли оно навеяно эпическими преданиями — песнями о гибели богатырей в предшествующем нашествии 1224 г., или в данном случае автор повести мыслил как народный эпический поэт.¹ Может быть автор и не ставил перед собой

¹ В противоречии с историческими фактами, все упоминаемые в повести рязанские князья именуется „братьями“, причем в совещании, созванном князем Юрием Ингоревичем перед нашествием Батыя, участвуют и живые и умершие к 1237 г. князья. В битве с Батыем, по повести, гибнут все рязанские князья, хотя исторически это неверно. Д. С. Лихачев сближает эти анахронизмы и отступления от истории в повести с эпосом — со стариной о гибели богатырей: „Это соединение всех рязанских князей — живых и мертвых — в единое братское войско, затем гибнущее в битве с татарами, вызывает на память эпические предания о гибели богатырей на Калке, записанные в поздних летописях XV—XVI вв. Там также были соединены «храбры» разных времен и разных князей (Добрыня — современник Владимира I и Александр Попович — современник Липицкой битвы 1212 г.). И здесь и там, следовательно, результат общего им обоим эпического осмысления Батыева погрома как общей круговой чаши смерти для всех русских «храбров». — Воинские повести древней Руси. М.—Л., 1949, стр. 129.